

Перед едой, глядя на то, как Гу Янь обнимает Линь Су и они о чем-то смеются, кивая, Чу Шань тихо напомнил Лу Цзиньи:

— Потом когда будешь есть, опусти голову, не смотри на этих двоих.

Лу Цзиньи удивился:

— Почему?

Чу Шань вздохнул:

— А то подавишься их любовью.

Лу Цзиньи совершенно не беспокоился:

— Я холост уже пять лет, какую бы любовь я ни видел, ко всему привык.

Через полчаса Лу Цзиньи признал, что такую любовь он действительно еще не пробовал...

Он никогда не видел, чтобы кто-то так глубоко знал предпочтения другого человека. Лу Цзиньи думал, что в этих отношениях доминирующая позиция безусловно принадлежит Гу Яню. И хотя это было так, Гу Янь вел себя как «любящий муж».

Чу Шань, видя, как лицо Лу Цзиньи слегка позеленело, хотел рассмеяться, но лишь беззвучно прошептал губами: «Я же говорил?»

— Господин Гу, давайте обсудим одну вещь, — Лу Цзиньи вытер руки салфеткой и тихо произнес.

Слушать Лу Цзиньи было очень приятно, его речь была спокойной и размеренной.

Гу Янь кивнул:

— Говорите.

— Состояние Чу Шаня все еще нестабильно. Удаление почки без надлежащего ухода нанесло ему почти непоправимый вред, — продолжил Лу Цзиньи. — Так что не могли бы вы дать ему работу полегче? Хотя бы без чрезмерной физической активности.

Чу Шань подавил раздражение в сердце и холодно произнес:

— Ст... нет, я в полном порядке, только не лишайте меня заработка.

— Я врач, я должен отвечать за своих пациентов, — твердо сказал Лу Цзиньи. — К тому же, я предлагал вам другие варианты, но вы отказались.

Гу Янь перевел взгляд с одного на другого:

— Какие варианты?

— Уволиться и прийти ко мне, — прямо заявил Лу Цзиньи. — У меня дома не хватает человека. Если Чу Шань придет, я буду платить ему зарплату.

— Сколько? — тут же спросил Гу Янь.

Лу Цзинъи на секунду замер, затем повернулся к Чу Шаню. Тот тут же опустил голову и стал есть. В глазах Лу Цзинъи промелькнуло разочарование и досада, но голосом он сказал мягко:

— Дать ему мою зарплатную карту.

— Кхм-кхм... — Линь Су подавился куском лягушки и закашлялся.

Он ослышался? Слова Лу Цзинъи, они... это же было завуалированное... «Приходи ко мне работать, я отдам тебе мою зарплатную карту». Лу Цзинъи искал не прислугу, а хозяина дома!

— Потихе, — Гу Янь подал Линь Су воду и мягко погладил спину юноши.

Рука Чу Шаня, сжимающая палочки, побелела от натуги. С мрачным видом он произнес:

— Вы понимаете, что говорите?

Лу Цзинъи спокойно ответил:

— Очень хорошо понимаю.

Ужин прошел не слишком весело. При прощании с Линь Су и остальными Чу Шань лишь натянуто улыбался. Гу Янь, к своей чести, проявил чуткость и дал Чу Шаню две недели на размышления.

Линь Су был обеспокоен:

— Брат Янь...

— Это их проблемы, пусть сами разбираются, — глубоко в глаза посмотрел Гу Янь. — Пока человек жив, у него есть шанс выбрать заново. А мне, кстати, Лу Цзинъи нравится.

Стоило им зайти в парк, как Чу Шань внезапно прижал Лу Цзинъи к дереву и, сверкая глазами, злобно прошипел:

— Тебе что, делать нечего? Шутишь надо мной?

Последняя улыбка сползла с лица Лу Цзинъи, уступив место ледяному безразличию, от которого веяло холодом:

— Вы думаете... что всё, что я делал всё это время, было шуткой?

Шуткой?

Когда Чу Шань только что перенес операцию, Лу Цзинъи не спал ни одной нормально ночи. Стоило Чу Шаню слегка простонать, как Лу Цзинъи тут же просыпался от чуткого дрема. Кормил с ложки, массировал живот, не нанимал ни одной сиделки. Если бы был выбор, Лу Цзинъи и не удосужился бы возиться с такой неблагодарной собакой, как Чу Шань. Но именно то «Не уходи», вырвавшееся у юноши во сне, смешанное с мольбой и беззащитностью, заставило его, словно одержимого, продолжать.

Лу Цзинъи знал о прошлом Чу Шаня с Хэ Линьюанем, но ему было все равно. Что такое прошлое? Прошлого не вернуть.

За несколько месяцев Лу Цзинъи сделал всё возможное, чтобы заставить Чу Шаня забыть того

человека. Любовь или ненависть — всё должно было исчезнуть. Но Чу Шань был упрям, как осел, Лу Цзинъи не понимал, за что он цепляется.

— Лу Цзинъи, — Чу Шань произносил слова по одному:

— У вас такая хорошая жизнь, зачем тратить её на меня? Разве не был тот новый врач, с каштановыми волосами и узкими глазами? Ему вы нравились, и я думаю, он был неплох.

Лу Цзинъи уставился на Чу Шаня:

— Вы думаете, он был неплох?

Чу Шань разозлился:

— Вы попугай?

Взгляд Лу Цзинъи становился всё холоднее сантиметр за сантиметром, и Чу Шань почему-то почувствовал панику.

Лу Цзинъи без церемоний убрал руку Чу Шаня, поправил воротник и снова стал таким же отчужденным и вежливым, как при первой встрече:

— Я понял.

Почти четыре месяца. Он, Лу Цзинъи, когда еще так унижался ради кого-то?

Только когда Лу Цзинъи ушел уже давно, Чу Шань резко очнулся. Он побежал в свою съемную квартиру, две комнаты и зал. В последнее время Лу Цзинъи постоянно жил здесь, но когда он добежал, в комнате никого не было. Вещи Лу Цзинъи тоже исчезли полностью.

Солнце светило на него, но Чу Шань чувствовал холод, исходящий из самых костей. Это не было похоже на то разочарование и безнадежность, когда он уходил от Хэ Линьюаня. На этот раз кончик сердца ныл беспорядочно и сильно, словно и так недолгая и увядшая жизнь мгновенно подошла к концу.

Чу Шань опустил голову, а спустя долгое время тихо пробормотал:

— Может, и к лучшему...

Но уже той же ночью Чу Шань не смог уснуть.

Погода в Хайчэне была сырой и холодной, скоро начались затяжные дожди.

Целую неделю Чу Шань просидел дома, не выходя ни шагу. Когда совсем немоготу, заказывал доставку еды. На самом деле, уже на третий день у него начал болеть живот.

Обычно в это время он бы непременно прижался к груди Лу Цзинъи, позволяя теплым мужским рукам греть его. Иногда Лу Цзинъи спрашивал:

— Мы так — друзья?

Чу Шань жаждал тепла, но на словах был тверд:

— Друзья.

Но сейчас, вспоминая это, Чу Шань чувствовал себя полным отбросом. Он подлец? С одной стороны — спит в одной кровати, обнимается, греет живот, а с другой — говорит, что они друзья.

Не друзья. Какие же это друзья? У кого из друзей доходит до такого?

Чу Шань внезапно осознал, что Лу Цзинъи — это яд. Обычно не ощущаемый, но когда приходило прозрение, он уже проникал в самый мозг кости.

Чу Шань очень хотел увидеть Лу Цзинъи, потому что чувствовал, что кислорода вокруг стало очень мало.

На восьмой день погода немного прояснилась, но воздух был всё так же ледяным. Чу Шань нацепил первую попавшуюся куртку и вышел из дома. Он ждал у входа в больницу с полудня, и наконец, когда вышло время смены, увидел Лу Цзинъи. Но не успел Чу Шань поздороваться, как увидел того самого юношу, который раньше признавался Лу Цзинъи в любви. Они шли рядом, смеялись и разговаривали, и сели в машину.

Чу Шань медленно сел обратно, думая, что эта осень действительно очень холодная...

Чу Шань, наверное, должен был вернуться домой, ведь это именно то, чего он всегда хотел? Но, идя, он сам не заметил, как дошел до дома Лу Цзинъи. Он смотрел на знакомую дверь, оцепенев, и эмоции, которые он так долго подавлял, хлынули, как прорванная плотина, так, что даже вены болели.

Чу Шань сел у двери, думая об уходящих вместе фигурах, и на душе было очень обидно:

— Как же так? — тихо прошептал он.

Чу Шань вспомнил ту, казалось бы, пафосную фразу: «Я смог бы встретиться с тьмой, если бы никогда не видел света».

Если бы не появился Лу Цзинъи, Чу Шань бы проводил бабушку, а затем жил бы день за днем. Конечно, ему еще пришлось бы бороться с парой подлецов Хэ Линьюанем и Цянь Ии до самого конца. В конце концов, у него ничего не было, и ему было нечего терять.

Чу Шань очень завидовал Линь Су. Такую заботу обо всем существе, для Чу Шаня это было похоже на сказку. Но Лу Цзинъи, казалось, с легкостью воплотил эту сказку в жизнь.

Теперь требовалось отдать эту заботу другому, и Чу Шань внезапно ощутил боль, вырывающую саму кость.

Когда Лу Цзинъи вернулся, он увидел именно такую картину: неблагодарный сидел на его пороге, весь окруженный черным облаком, жалкий.

Но в ту же секунду сердце Лу Цзинъи наполнилось дикой радостью. Он надавил на Чу Шаня, и, похоже, надавил правильно.

— Чу Шань? — Лу Цзинъи подошел ближе, лицо его было очень холодным:

— Что вы здесь делаете?

— А? — Чу Шань медленно поднял голову. Он смотрел на Лу Цзинъи, стоящего против света, с неотчетливыми чертами лица, и сердце его провалилось в самую бездну.

Чу Шань, опираясь на стену, поднялся. То ли он слишком долго сидел на корточках, то ли ему было нездоровится, но стоял он неуверенно. Лу Цзинъи хорошо это видел, сдерживался-сдерживался, но все же протянул руку:

— Сначала зайдем внутрь.

Чу Шань сжал руку Лу Цзинъи, слегка покачал головой и охрипшим голосом произнес:

— Нет, я... я...

Лу Цзинъи нахмурил брови:

— Заходи.

<http://bllate.org/book/16799/1565042>